Люди пришли снова. На этот раз они не были охотниками. Были женщины и дети, а также мужчины. Вместо шкур животных они носили ткани, сотканные из растений, окрашенные и разноцветные. Боюсь, в тот момент я была в основном сосредоточена на их одежде, поэтому не обратила особого внимания на причину, по которой они были здесь.

Позже, намного позже, я узнала, что их изгнали из родной страны. Новый правитель пришёл к власти посредством меча и вырезал всех, кто был верен прежнему руководству. Несколько высокопоставленных семей увидели надпись на стене и сбежали. Но новый правитель не хотел позволять им бежать, поэтому послал свои армии преследовать их.

Многие умерли, не дойдя до гор. Было большое горе. Ночью они увидели вдалеке яркий свет. Красивый и голубой, он звал их, как пчелы цветы.

Да, мои прекрасные цветочные деревья освещали им путь. Свет в их самый темный час. Мне все еще нравится эта мысль.

Сначала я наблюдала за ними только тогда, когда они углублялись в горный лес. Они были чрезвычайно осторожны и даже не желали разжигать огонь, опасаясь, что их найдут враги. Не подозревая об их тяжелом положении, я знала только, что они мне очень нравятся и я не хочу, чтобы они уходили.

Мой опыт общения с людьми был ограниченным, но я знала, что они любят еду и едят не только мясо, но и растения. Поэтому я поручила своим детям-феям, у которых была физическая субстанция, которой нет у меня, направлять людей к хорошим фруктам и овощам.

Человеческие дети шли впереди. Хотя мои сказочные дети имели физическое тело, по какой-то причине взрослые не могли их видеть, в то время как дети могли. По сей день я понятия не имею, почему. Возможно, это детский взгляд на мир, я не знаю.

В какой-то момент к горе подошли и армии. Они собирались войти, но ни мой брат, ни я не позволили этого. Это было не потому, что мой брат был заинтересован в спасении людей, которые интересовали меня. Честно говоря, я останавливала их не поэтому.

Они излучали зло. Оно лилось из них волнами.

До этого момента ни одно зло не приближалось к нашим горам. Мы даже не знали, что такое зло, пока оно не оказалось у нашего порога. Но в тот момент, когда мы это почувствовали, наше отвращение было настолько сильным, что нас трясло одновременно от ярости и отвращения. Это была инстинктивная ненависть. Мы никогда не позволим злу войти в наш дом.

В охотниках и убегающих семьях тоже было зло. Все люди так делают. Они запятнаны злом при рождении. Но людей также трогает добро. Добро весьма могущественно, достаточно сильно, чтобы подавить зло. Если люди будут осторожны, доброта приведет их к искуплению. Если они глупы…

…они заканчивают, как эта армия.

Хотя тогда я этого не знала, многие люди глупы. Армия не была исключением. Исключением

были охотники и бежавшие семьи. Человечество часто пренебрегает добром ради быстрых и легких удовольствий, исходящих от зла. Но тогда я этого не знала и предполагала, что люди в целом хорошие.

Так или иначе, мы не пустили армию. Мы духи, у нас нет физической формы, но это не делает нас слабыми. Гора — это наше тело, существа на ней — наши руки и ноги. Когда армия попыталась войти, все живое и ничто живое стремилось остановить их. От пум до лисиц, от пчел до корней деревьев, даже сама грязь под ногами мешала им.

Сказочные дети моего брата сражались с ними напрямую, используя свои руки и зубы, как животные, чтобы убить их. Некоторые из моих детей-фей тоже сражались с ними, но большинство осталось с семьями, прятавшимися в лесу. Им нравились маленькие человеческие дети, и, видя их испуганными, хотелось их утешить.

В тот день погибло много людей, человеческая кровь впервые пропитала гору. В конце концов армия отступила, крича, что лес, в который они вошли, проклят и наполнен демонами. Разрушения армии, должно быть, было достаточно, чтобы убедить их нового правителя в истинности их заявлений, потому что никто из этой страны больше никогда не приближался к горам.

В тот день мнение моего брата о человечности достигло совершенно нового минимума. Тот факт, что мы встретили много людей, которые не поддались такому злу в прошлом, не успокоил его опасений. Достаточно того, что в любой момент они могли быть полностью захвачены злом. Потенциал и способность к такой подлости приводили его в бешенство. Он не хотел, чтобы подобное происходило в его доме.

Его взгляд обратился к семьям, которые защищали мои сказочные дети. Он хотел, чтобы они умерли, все до единого. Даже младенцы, которые каким-то чудом родились и пережили долгий переход в наши горы.

Впервые у нас с братом возникла серьезная размолвка. Мы не смогли примирить наши точки зрения. Он смотрел на людей со страхом, я смотрел на них с потенциалом.

В конце концов, только его любовь ко мне спасла их от резни. Я действительно умоляла его, чего никогда раньше не делала, пощадить их жизни. Ради меня он остановил руку. Ему это не нравилось, но он тоже не мог сказать «нет».

Мы были братом и сестрой. Единственные двое представителей нашего вида во всем мире. Из-за этого мы во многом испортили друг друга. Это был случай, когда мой брат испортил меня, вопреки своему здравому смыслу.

Итак, люди остались. И мы с моими маленькими детьми-феями присматривали за ними.

В обычных условиях жить в горах непросто, и им было еще хуже, потому что животных невозможно было поймать. Чтобы решить эту проблему, я водила их к ручьям, прудам и рекам. Мы с братом никогда не обращали внимания на рыбу и водяных ползающих животных, поэтому они так и не приобрели никакого интеллекта. Единственная польза, которую получали рыбы, заключалась в том, что они находились на нашей горе и впитывали нашу силу из самой воды. Это сделало их сильнее, крупнее и здоровее. Идеально подходит для еды, чему медведи обрадовались, но не более того.

Люди также приручили множество разных существ: горных козлов и овец, ради молока и одежды. Як для тяжелых грузов. Утки и гуси за яйца и перья. Когда эти животные старели или получали серьезные ранения, только тогда их убивали и ели. Животные и люди посчитали это убийством из милосердия.

Они довольно быстро поняли, что что-то помогает им выжить. Их дети видели или слышали вещи и знали о горах то, что было просто неестественно. Феи, как их называли люди, помогали им. Феи прогнали армию и привели их к еде и чистой воде. Взрослые люди понятия не имели, почему они привлекли такое расположение фей, которых на их родине считали злыми духами, но они старались не потерять его.

Феи рассказали человеческим детям все обо мне, о том, какая я красивая и сильная, и как голубые цветы, светящиеся в ночи, были созданы мной. Они даже называли меня «матерью», когда поняли, что это значит среди людей. Дети, естественно, рассказали и своим родителям.

Услышав это, взрослые первым делом подумали поклоняться мне как богине. Но я бы этого не допустила. Когда они вырезали мои изображения из дерева и затем кланялись им, я видела, как зло росло в их сердцах, и это заставило мою душу похолодеть. В то время я не понимала, что такое богиня, но не следует поощрять все, что порождает в людях зло.

Они проигнорировали мои предупреждения через фей, поэтому я нашла самого большого медведя на горе и поручила ему уничтожить мои уродливые резные изделия из дерева и преследовать тех, кто их сделал. Каждый раз, когда они пытались совершить такую боготворную чепуху, я вызывала гигантского медведя, чтобы наказать их. Никто не погиб и серьезно не пострадал, но это их здорово напугало.

После этого взрослые выслушали детей и, по доверенности, фей, которые предостерегали их от попыток поклоняться мне как богине. Однако это оставило взрослых недовольными. Так что фея-мать не разрешила поклоняться, но какой-то знак уважения должен был оказать. В конце концов, именно ее земля и ее благосклонность позволили им жить.

После долгих споров и дискуссий мне даровали имя Сюйин (красивый цветок) и почтительно называли Императрицей Синих Гор, Матерью Фей, Хранительницей Синих Огней. Если бы они когда-нибудь подумали, что я могу быть рядом, они бы встали на четвереньки и поклонились, желая мне долгой жизни несколько раз подряд.

Я думала, что весь этот процесс был странным, особенно если они кланялись не в ту сторону или когда меня даже не было рядом. Я никогда не просила такого уважения, никогда не требовала его, но они все равно навязывали мне его. Хотя мне это имя нравилось, и с тех пор я называла себя так.

Пока я узнавал от людей много интересного, мой брат держался на расстоянии от их поселения. Они ему не нравились, и он навещал меня только в том случае, если я оставляла их на время ухаживать за деревьями, обычно весной.

Когда я рассказал ему о своем недавно приобретенном имени, он не увидел в этом смысла. Раньше нам никогда не требовались имена, так зачем волноваться по этому поводу сейчас? Затем я поделилась человеческим представлением о семье и о том, какими мы с ним были: брат и сестра, семья.

Я думала, что это, по крайней мере, заинтересует его, но вместо этого, похоже, это его расстроило. Когда я спросила его, почему, он был сбит с толку и в конце концов сказал, что действительно не знает почему, а затем ушел в раздражении. Его замешательство, должно быть, было огромным, поскольку после этого я довольно долго его не видела.

Это был второй раз, когда я заподозрила, что у моего брата проблемы.

Точно так же, как люди приручают животных, я приручила людей. Поначалу это было непреднамеренно. В основном я вмешивалась, потому что находила человеческие отношения очень трогательными и хотела помочь, чем могла Просто с человеческими детьми, которые дольше всех видели фей, было легче общаться, и они были более восприимчивы к моим идеям.

Со временем я поняла, что, объединив вместе тех, кто обладает длительным «волшебным зрением», их дети смогут видеть моих фей еще дольше. Это происходило через очень короткие промежутки времени, незаметные для людей, проживших такую короткую жизнь, но я заметила. Тогда я начала делать это намеренно.

Я также культивировала их духи, как и свои деревья. Я заметила, что у людей очень гибкий дух, и у них есть много возможностей для роста. Но по каким-то причинам они сами об этом не знали. Сильный дух сопротивлялся злу, а также давал им более здоровую и долгую жизнь, поэтому казалось хорошей идеей укрепить и их дух.

Во сне или когда они медитировали, я приходила и подталкивала их туда или сюда. Обратите внимание на это, сосредоточьтесь на этом, сконцентрируйтесь там… У меня не было названия тому, что я делала, а у них оно было. Они объединили это со своей собственной системой верований, так называемыми «ся», «ци» и даже «мистическими искусствами».

Учения, возникшие из этого, назывались «Искусство Горы Синего Цветка», а те, кто сосредоточился на более смертоносных (боевых) аспектах, называли себя Сектой Горы Голубого Цветка. Я не ожидала развития боевого подразделения, но их энтузиазм и настойчивость мне вполне понравились. И вообще, они защищали более слабых членов общества и занимались благотворительностью. Их сердца были очень чисты, и злу некуда было расти, поэтому я не видела необходимости останавливать их.

После нескольких поколений моего вмешательства произошла очень любопытная вещь: их глаза стали голубыми, и они увидели меня. Они также стали очень красивыми на вид, с почти неземной красотой и силой. Голубые глаза и изысканная внешность всегда шли рука об руку, и я до сих пор понятия не имею, почему.

Люди, с которыми я начала, были, по сравнению с этим, маленькими, довольно простыми и хрупкими. Прямые черные волосы, узкие карие глаза и слегка загорелая кожа. Единственное, что их выделяло, — это их милые круглые лица и фантастическое чувство стиля в одежде и украшениях, что мне очень нравилось и я поощряла везде, где только могла.

Когда голубые глаза стали доминировать, они выросли очень высокими, стали очень сильными, а их волосы и кожа начали приобретать очень контрастные цвета. Иногда у них была очень

бледная кожа, иногда очень темная. Их волосы могли быть белыми, светлыми или любого цвета. Комбинаций было бесконечное множество, и мне все это нравилось. Какими похожими на мои цветы они стали в эти минуты.

Что касается глаз… они не были обычными голубыми глазами. Они были похожи на мои цветущие деревья: они светились. Я думаю, хотя и не знаю наверняка, что поколения, живущие на горе, и моя постоянная близость повлияли не только на их тела, но и на их дух. Они стали немного похожи на моих детей-фей и поэтому могли видеть меня.

К тому времени я уже начала принимать облик человека. Хотя я была духом и никогда не думала, что они меня увидят, мне хотелось немного походить на них ради собственного удовольствия. Меня заклеймили как женщину, поэтому я приняла самую прекрасную внешность человеческих женщин, которых видела. Я даже давала себе одежду, часто меняя ее, чтобы соответствовать последним тенденциям.

Короче говоря, я была великолепна. К сожалению, первый, кто меня увидел, был еще ребенком. Если бы это был взрослый человек, я бы лишила их дара речи. А на самом деле малышка просто радостно ворковала со мной.

Я любила этого маленького ребенка. Он был первым, кто увидел меня, и он видел меня, сколько бы лет ему ни было. Хотя я наблюдала за людьми в течение очень долгого времени, я всегда держала от них определенную клиническую дистанцию. Но теперь, когда меня увидели и услышали, это стало личным.

Я помогла этому маленькому мальчику стать взрослым. Поскольку он был первым, его считали особенным. Ему было отведено почетное место в секте и обществе. Короче говоря, он стал лидером.

Он старел очень медленно, до такой степени, что его семья и друзья умерли задолго до него. Раньше я видела, как умирают люди, но теперь, когда у меня была личная связь с теми, кто умер, я внезапно поняла, что на самом деле означает смерть. В человеческом смысле. Я скорбела вместе с ним о каждой кончине.

Хотела бы я знать тогда то, что знаю сейчас. Внутри он был обычным человеком. Несмотря на свою внешность, силу и способности, на самом деле он был очень простым человеком. Дом, знакомые лица и кто-то, кого можно обнять, — это все, чего он действительно хотел. Когда он похоронил своего прапраправнука, умершего от старости, не выглядя ни на день старше тридцати, он больше не мог этого выносить.

Он ушел. Не только секта или сообщество, но и горы. От меня. Я почувствовала его исчезновение с горы. В нем не росла тьма, поэтому я знала, что он не сделал мне никакого зла. Но мне бы хотелось, чтобы он попрощался или объяснил, почему ушел, чтобы мне не пришлось тратить время на догадки.

В тот день я, дух, плакала.

Мое горе было настолько непреодолимым, что мой брат это заметил. Он приходил ко мне все реже и реже из-за того, как сильно я изменилась. Но расстояние не ослабило нашу семейную связь. Когда мое сердце разбилось, он это почувствовал.

Когда я попыталась объяснить, почему мне больно, он не смог понять. Человек имел для него не большую ценность, чем птица, и представлял гораздо большую угрозу. Если кто-то уйдет, его это вполне устраивает. Но в момент удивительной зрелости он не высказал своих мыслей. Он просто держал меня и позволял мне плакать.

Это был один из последних раз, когда он был нежен со мной.

В конце концов я узнала, что случилось с моим первым другом-человеком. Он путешествовал по миру, придерживаясь собственного чувства справедливости. Он никогда не оставался надолго на одном месте, но многие интересовались его боевыми искусствами и пытались стать его учениками. Они подражали тому, что видели, надеясь добиться такого же долголетия.

Я не знаю, брал ли он когда-нибудь учеников, поскольку многие утверждают, что их секты боевых искусств начались с него, хотя на самом деле это не так. Несмотря на это, учение секты Горы Голубого Цветка свободно распространялось среди населения. Начнем с того, что это никогда не была секретная система убеждений. С течением времени он мутировал и менялся, создавая боевые стили и философию, о которых я даже не мечтала.

Мой друг исчез. Говорят, он «вознесся» на план богов, но я не знаю. Он тоже мог просто умереть. Он не был бессмертным. Большая часть того, что о нем говорят, — это всего лишь легенды и мифы, и трудно установить истину, скрывающуюся за этими рассказами. Я надеюсь, где бы он ни был, он нашел покой.

Он был первым, но не последним. Последующие поколения начали проявлять его те же качества. Вскоре с голубыми глазами рождалось больше детей, чем без них. До такой степени, что на обычные карие глаза многие смотрели свысока. Это была моя постоянная борьба за то, чтобы не допустить издевательств над этими очаровательными кареглазыми детьми.

По крайней мере, у голубоглазых наконец-то появились дети, похожие на них. Они проживут долгую жизнь, но теперь у них появились товарищи. Почему-то у тех, кто жил долго, было меньше детей. Из-за этого размер сообщества сократился и в конечном итоге выровнялся. Два детских дома стали нормой, если только они не родились кареглазыми. Тогда у родителей появится еще один ребенок, зная, что кареглазый проживет короткую жизнь и ему понадобится замена.

Дети мои голубоглазые, почему вы такие бессердечные? Мне хотелось, чтобы они были немного добрее. Несмотря на все мои усилия, дети, рожденные с карими глазами, начали покидать горы. Они знали, что им не место, и стареть так быстро по сравнению со всеми остальными было крайне обескураживающе.

Те, кто уехал, основали свои деревни и города у подножия гор. Они нашли обычных людей и завели с ними семьи. У них было гораздо больше детей, поэтому их население резко увеличивалось, пока не обрушивались болезни или катастрофы. Они быстро превзошли численностью своих высокомерных голубоглазых родственников.

Их взгляд на горную деревню был полон горечи и тоски. Они ненавидели, когда их отвергали из-за того, что не могли контролировать, и в то же время отчаянно желали родиться другими.

Из-за этого сказки, которые они рассказывали о горах, феях и даже обо мне, оказывались сильно искаженными.

В этот момент я поняла концепцию времени. И многое прошло с тех пор, как мы сбросили эту злую армию с горы. Я начала записывать все, что могла вспомнить, все уроки, которые я усвоила, потому что обнаружила, что людям нравится записывать вещи. Я создала небольшой домик-пещеру, чтобы хранить свои дневники и все интересные мелочи, которые я собирала от людей за эти годы.

Когда однажды на порог моей двери наткнулся заблудший путник, я взяла его и помогла ему прийти в себя, прежде чем отправить его в путь. Он не был кем-то из Деревни Синего Цветка, он был обычным человеком. Он не мог меня видеть, но мой дух был настолько сконцентрирован в пещере, что он знал, что там что-то есть. Он говорил о вещах, о которых я никогда не слышала, с акцентом, с которым я никогда раньше не сталкивалась. Мне очень нравилось слушать, как он говорит, представляя через его слова мир за пределами гор.

С тех пор я превратила свой маленький домик в пещере в перевалочную станцию для заблудших. Пещера путешественника. Любой, перешедший через гору без злых намерений, мог остановиться у меня на отдых, если бы ему это было необходимо. Я использовала свою силу, чтобы заколдовать путь, который всегда вёл ко мне, независимо от того, как далеко от входа они начинались.

Удивительное количество заблудившихся туристов добралось до моего порога. Я не мог задавать им вопросы напрямую, но, несмотря ни на что, я всегда получала информацию о мире за пределами гор. Я продолжала улучшать свою маленькую пещеру, чтобы там всегда была еда, вода и теплое одеяло, в которое можно было бы укутаться.

Я действительно никогда не думала, что что-то изменится. Действительно. Когда перемены произошли, это произошло совершенно внезапно.

Мой брат пришел в ярость. Горы действительно задрожали от его гнева, и я почти уверена, что на крайнем севере взорвался вулкан. Я немедленно бросилась посмотреть, в чем дело.

Его самый любимый олень умер. И он настаивал на том, что его убил человек злонамеренно. Когда я отправилась на разведку, там действительно был (ныне мертвый) олень с торчащим из него длинным явно сделанным человеком ножом. Но при осмотре что-то было не так. Человек ударил оленя в сердце с удивительной точностью. Смерть оленя наступила быстро, почти мгновенно.

Как этот человек оказался так близко к оленю? Это не должно было быть возможным. Даже мои голубоглазые дети изо всех сил пытались подобраться к одному из оленей моего брата. Как будто олень позволил этому чужому человеку приблизиться к себе. На самом деле, это выглядело подозрительно, как будто олень хотел умереть, что он позволил человеку намеренно убить себя.

И где же был так называемый человек-убийца? Мой брат почти мгновенно почувствовал смерть

оленя, но от человека не осталось ни пряди волос. Это также не должно быть возможным. Сделал ли олень что-то перед смертью, чтобы позволить человеку сбежать? Олени моего брата были довольно сильными и мудрыми, так что вполне могли бы это сделать.

Когда я упомянула об этом, мой брат не поверил. Какая причина была у оленя в желании покончить с собой? Разве он не заботился об этом целенаправленно?

Но я знал почемуа. Этот олень был очень старым. Даже несмотря на то, что мой брат вложил в это свою силу, возраст взял свое. Олени не должны были быть такими умными и жить так долго. Как и мой друг-человек, со сколькими представителями своего вида он попрощался? И в отличие от меня, мой брат не отпустил оленя и не позволил ему умереть естественной смертью.

Мысль о том, что смерть приходит ко всему смертному и что со временем они могут даже жаждать ее, не нравилась моему брату. Более того, он злился на меня за то, что я «перешла на сторону человека», несмотря на то, что я ничего подобного не делала. Я просто указала на недостатки в его обвинениях.

Дальнейшие объяснения не помогли, а только ухудшила ситуацию. Он обвинил меня в том, что я больше человек, чем дух. Что все, что мне нужно, это тело, и никто не сможет заметить разницу. Естественно я не согласилась!

Не знаю как, правда, не знаю, но его ярость обратилась на Деревню Синего Цветка. Человек, убивший оленя, даже не был оттуда, нож не был их изобретением, но по какой-то причине мой брат смешал всех людей в одну кучу. Он не мог отличить их друг от друга. По его мнению, Деревня Синего Цветка была виновна в том, что просто была человеком и, следовательно, имела отношение к убийце (хотя и отдаленно).

Именно тогда я без тени сомнения поняла, что мой брат сошел с ума.

Если бы вы спросили меня, когда это началось, вероятно, именно тогда появились первые люди. А почему… Я думаю, он ревновал. Он любил меня и не хотел ни с кем меня делить. Он любил оленя и никогда не хотел его отпускать. Проблема в том, что такого рода собственничество на самом деле коренится во зле.

Ненавидеть зло, но делать зло — это противоречие — это то, с чем могут жить только люди и оставаться в здравом уме. Возможно, это была настоящая причина, по которой он держался от меня подальше все эти годы; он знал, что что-то не так, но не мог это контролировать, когда был рядом со мной. Он сбежал к своим оленям, думая, что он в безопасности, только для того, чтобы они «предали» и его. В конце концов, это свело его с ума.

Он бросился к Деревне Синего Цветка, намереваясь разрушить ее и перебить там всех до единого человека.

Я отправила своих детей-фей вперед, приказав им эвакуировать всех. Я могла бы остановить брата на время, но не навсегда. Без разума он был еще более опасен, чем обычно. Лучшее, что я могла сделать, это дать моим голубоглазым детям шанс сбежать.

Помешать ему удовлетворить свою жажду крови, очевидно, ничему не помогло. Наши бои были видны на многие мили вокруг. Несмотря на то, что секта Горы Синего Цветка была самой сильной боевой группой в мире, даже они съежились от звука наших ударов. Перед лицом мощи самой горы им оставалось только склонить головы и бежать.

Бой длился несколько дней.

Он был мечом, я была щитом.

Как бы он ни рубил и не прокалывал, меня невозможно было сдвинуть с места. Но как бы я ни была непоколебима, я не могла атаковать. Мы были в тупике.

Единственными оставшимися людьми была семья моего первого друга-человека. Не знаю, откуда им пришла эта глупая идея, но они решили остаться и пожертвовать собой ради меня. Они действительно пытались драться с моим братом. В конце концов, они могли видеть его так же хорошо, как и меня.

Мой брат, который годами не обращал ни малейшего внимания на то, что я ему говорила, был застигнут врасплох. Он не знал, что люди могут его видеть. На самом деле они нанесли ему несколько ударов, прежде чем он понял, что происходит. Но, конечно, это было все равно, что ребенок ударил его по голеням. Это было шоком, но большого вреда не принесло.

Он немедленно сосредоточился на них, чтобы убить их прямо на моих глазах.

Я не могла этого допустить.

Поэтому я сделал то, чего никогда раньше не делал, потому что до этого момента даже не знал, что смогу это сделать.

Я бросилась вперед и ударила брата. Жестоко.

Это потрясло нас обоих, и на мгновение мы замерли. А потом он начал плакать, пронзительный крик, которого я никогда раньше не слышала и надеюсь никогда больше не услышать.

Он посмотрел на меня и в горестной ярости закричал: «Ты смеешь меня ударить? Вы смеете? Разве ты не называла меня братом? Разве ты не говорила, что я член семьи? И все же ты поднимаешь руку в форме человека, чтобы ударить меня? Это то, что с тобой сделал человек? Сделал тебя жестокой? Ты никогда не была предназначен для того, чтобы бить или причинять вред, а только для того, чтобы защищаться! Это ваша единственная природа! Посмотри, во что они тебя превратили! Как они тебя запятнали! Если ты действительно моя сестра, выбирай! Они или я! О ком ты заботишься?!

Наблюдая за поколениями малышей, я точно знала, что это такое: истерика. Он несколько дней жестоко бил меня, не обращая внимания, и я ударила его один раз, и он вел себя так, будто наступил конец света. В тот момент, боюсь, я вышла из себя.

«Если ты действительно хочешь знать, прямо сейчас я лучше буду жить с людьми, чем с тобой!»

Ах, это было неправильно сказано. Даже сейчас мне хотелось бы сформулировать это по-другому. Не то чтобы я разлюбила брата, я просто разозлилась. Он был очень неприятен, поэтому я не думаю, что кто-то мог меня винить.

— Ты предпочитаешь людей, а не меня? Ты предпочитаешь их... чем меня... Ах! Ах!! Ха-ха-ха! Ну ладно! Оставайтесь со своими людьми! С этими грязными обезьянками! Кому ты нужна! Если ты сделаешь хотя бы еще один шаг на эту гору, клянусь...

— ...брат, нет!

«...Я убью каждого человека до последнего. Даже те, что у подножия гор, даже те, что так далеко, что я их не чувствую. Я взорву все вулканы в горной цепи, пока воздух не наполнится ядом и не прольется дождем на их посевы и на их дома, не наполнит их питьевую воду. Покрытые пеплом, они умрут. Каждый. Последний. Один."

Есть кое-что, что вам нужно знать о феях, о нас, духах. Мы связаны своим словом. Дело не в том, что слова имеют силу, а в том, что они выражают реальность. Если мы что-то говорим, мы имеем это в виду. Мы не можем лгать или искажать правду.

Поджечь все вулканы в этом хребте было сродни самоубийству. Оно убьет не только людей, а также животных и растения, но, весьма вероятно, убьет и нас. Ведь мы были горами. Если бы он их уничтожил, мы оба вполне могли бы перестать существовать.

У меня был выбор: немедленно уйти с горы вместе со всеми людьми или остаться там и заставить моего брата буквально самоуничтожиться.

Он действительно потерял рассудок. Я не смогла его спасти. Я не могла вразумить его. Поэтому я сделала единственное, что могла: ушла.

Хорошо, что я дух, мне понадобился всего один прыжок, чтобы выбраться из горы. Я также точно знал, где заканчивается горный хребет. Я чувствовала, как моя связь с ним обрывается. С тех пор единственной силой, которая у меня была, было то, что было внутри меня. Я никогда не могла пополнить себя.

Мои сказочные дети последовали за мной. Частью горы, из которой они черпали силу, была я, так что у них не было выбора. Но в то же время я не могла поддерживать их, как раньше, поскольку у меня не было доступа к огромной силе горы. Короче говоря, они умрут. Это займет некоторое время, поскольку я сама по себе была довольно сильна, но один за другим они ослабевали и уходили в небытие.

Есть ли рай для фей? Если да, то я надеюсь, что мои прекрасные дети-феи пойдут туда. Это было бы лучше, чем превратиться в ничто.

Фея, созданная из души моего брата, тоже попыталась последовать за мной. Бедняга. Он не мог прийти. Его сила исходила от моего брата, а не от меня. Если бы он попытался покинуть гору, он бы мгновенно умер.

Чтобы облегчить его страдания, я дала ему задание: остаться и присматривать за моим пещерным домом. Помоги людям, которые заблудились. И будь рядом с моим братом. Если бы он когда-нибудь снова пришел в себя, вина за свою глупость была бы огромной. Ему понадобится товарищ, который не был бы безмозглым пехотинцем. Хоть он и плакал, маленькая фея осталась, пообещав сделать в точности то, что я велела.

Я не знал, сколько времени понадобится моему брату, чтобы снова прийти в себя. У меня не было возможности проверить и выяснить это, не раздражая его и не усугубляя ситуацию. Но я надеялась… Я надеялась, что когда-нибудь он вспомнит обо мне без гнева и ревности. Что он вспомнит нашу юность и снова будет думать обо мне с любовью.

Я стала странствующим духом.

http://tl.rulate.ru/book/100204/3422409